

Лексика белгородских говоров как объект лингвокультурологического описания*

Аннотация. Говоры Белогорья «регистрируют» следы межэтнических контактов, сохраняя их в своём активном словаре: значительное количество регионально маркированных слов находится в активном употреблении жителями белгородских сел. Материалы говоров и региолекта области могут составить базу для целого ряда диалектологических, а также историко-языковых и лингвокультурологических исследований.

Ключевые слова: диалектизм, регионим, региолект, украинизм, этнографизм, словарь.

Abstract. The dialects of the Belgorod region «register» traces of inter-ethnic contacts, keeping them in active vocabulary: a large number of regional marked words is in active use by the inhabitants of the villages in the Belgorod region. Materials of dialects and of regiolect region might provide the basis for a number of dialectological and historical linguistic and cultural studies.

Keywords: dialectism, regionim, regiolect, Ukrainism, ethnographism, dictionary.

Анализ диалектных слов имеет особую значимость, так как лексика говоров отражает народную культуру, а также обеспечивает ученых данными для реконструкции языка и истории народа. Как отмечает Е.А. Красильщик, «Важностью диалектно-лексических фактов и отношений для решения многих теоретических вопросов, ценностью их для сравнительно-исторических, этимологических штудий, значимостью подобных данных для решения культурологических проблем и задач объясняется необходимость изучения народных говоров» [2: 3]. Исследование различных групп лексики белгородских говоров значимо не только в региональном контексте, но и в более широком: сегодня в картотеке будущего «Областного словаря Белгородчины» представлена лексика современных белгородских говоров и полудиалектов с отражением специфических их особенностей на уровне фонетики, словообразования, грамматики и собственно словаря. Здесь сохраняется много архаичных черт. Кроме того, говоры Белогорья «регистрируют» следы межэтнических контактов, сохраняя их в своём активном словаре. Значительное количество регионально маркированных слов находится в активном употреблении жителями белгородских сел.

Диалекты Белгородчины распространены на территории двадцати одного района Белгородской области (*Алексеевский, Белгородский, Борисовский, Валуйский, Вейделевский, Волоконовский, Грайворонский, Губкинский, Ивнянский, Корочанский, Красненский, Красногвардейский, Краснояружский, Новооскольский, Прохоровский, Ракитянский, Ровеньский, Старооскольский, Чернянский, Шебекинский, Яковлевский*) и выходят за ее пределы (*Курская и Орловская область*), что свидетельствует о достаточно широком

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Белгородской области, в рамках проекта проведения научных исследований (проект №16-14-31002 «Диалектизмы и регионимы в речи жителей Белгородчины к XX – нач. XXI вв.». Региональный конкурс «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее – 2016», Белгородская область).

ареале белгородских диалектов. Эти диалекты вбирают в себя различные пласты лексики: сельскохозяйственную и бытовую, наименования растений и животных, предметов домашней утвари и др.

Современные белгородские говоры в целом характеризуются проявлением двух основных тенденций. С одной стороны, в силу соседства с Украиной они демонстрируют результаты этого взаимодействия, а порой и смешения диалектов, о чем свидетельствуют такие языковые факты, как: *шлях* – суц., -а, муж.р., нейтр. ‘путь’: /Шл’ах та прашл’и н’ималыж//; *як* – местом. нареч., союз. ‘как’. /Он jej jак дал па макушк’у//; *трóшки* – нареч., нейтр. ‘чуть-чуть, мало’: /Хай трóшк’у паул’ајет’//; *хай* – част. ‘пусть’: /Хај над’о у хату и там с’ад’им//; *нихай* – част. ‘пусть’: /Н’ихај будел//; *бэрэза* – суц., -ы, жен.р., нейтр. ‘берёза’; *шапишнá* – суц., -би, жен.р., нейтр. ‘шиповник’: /Шапишнá там раст’ел//, украинизм, ср. укр. *шипши́на*, и др. Данные лексемы распространены в целом ряде районов области: Губкинском, Ровенском, Старооскольском, Чернянском и др.

С другой стороны, здесь фиксируется языковая архаика, уходящая корнями в древнерусский язык: *вóрог* – суц., -а, муж.р., экспр. ‘враг’: /Жук’и вóрау’и на ґарод’ел//; *калюжа* – суц., -и, жен.р., нейтр. ‘лужа’: /Кал’уж понат’иклó посл’и даж’ал//, ср. с названием города *Калуга*.

Архаика проявляется на уровне не только лексики, но и фонетики, и грамматики. На уровне фонетики белгородские говоры характеризуются отсутствием фонем Ф и Ф’, что также уходит корнями в языковое прошлое. Регулярными заменами указанных фонем являются звуки У-неслоговое (на месте оглушения звука В), сочетание ХВ (на месте Ф в сильной позиции перед гласным) или Х (перед согласным): *дэука, хвартук, кóхта*. Кроме того, в области грамматики сохраняется немало рудиментарных черт. В частности, сохраняются рефлексы старых русских окончаний имен прилагательных с наложением южнорусского аканья: *толстай, хорóшай* и т.п.; старые глагольные формы изъявительного наклонения: *несётъ* (с мягким финальным согласным и без перехода Е в О), *хóдитъ*.

В речи сельских жителей области в значительном количестве представлена собственно диалектная лексика, отсутствующая в общенародном словаре: *стрибáть* – глаг. -аю, -аешь, несов., неперех., экспр. ‘прыгать’; *снйдать* – глаг. -аю, -аешь, несов., перех., нейтр. ‘обедать’; *тáмка* – суц., -и, жен.р., нейтр. ‘смекалка’: /Ды т’áмка у н’ауб харóшайал//; *удыбáть* – глаг. -аю, -аешь, несов., неперех., экспр. ‘уйти’: /Н’и думáј б’из м’ин’е удыбáт’//; *взвар (узвáр)* – суц., -а, муж.р., нейтр. ‘компот из сухофруктов’: /П’ит’ буд’иш’? /узвáр солóткиј// ‘ и др.

Фиксируются здесь и диалектные варианты общенародных слов, как фонетические, отражающие регулярные (яканье (*пятух, сляб* (Старооскольск., Шебекин. и др. – широко по области), мягкое шоканье (*цóптацка, дéвоцка* (Ивнян.)), соканье (*яйсó* (Белгородск.)), замена *ф* на *хв* (*хвартук*) (повсеместно), так и варианты словообразовательные; грамматические (морфологические), семантические.

В контексте лингвокультурологического описания народных говоров и их происхождения является значимым тот факт, что весомую часть диалектных и региональных слов Белгородчины составляют украинизмы, например: *гамán* – суц., -а, муж.р. ‘мешок для табака’; *бодня* – суц., -й, жен.р., нейтр. ‘деревянная посуда, в которой солят сало’; *кўхлик* – суц., -а, муж.р., нейтр. ‘кувшин для молока’; *макитра* – суц., -ы, жен.р. ‘большая посуда для приготовления пищи, напоминающая чугунок’, что свидетельствует об историческом взаимодействии белгородских говоров с пограничными диалектами Украины и смешении разноязычной диалектной лексики в микросистемах белгородских говоров. Известно, что территория ряда районов современной Белгородской области заселялась в XVI-XVII веке в основном украинскими переселенцами из восточной Черниговщины, Полтавщины и Слобожан Правобережья Украины. При этом следует отметить, что при заимствовании слова мы нередко имеем изменение значения диалектной лексемы: расширение или, напротив, специализацию. Например, в белгородских говорах лексема *макитра* имеет несколько значений: *макитра* – суц., -ы, жен.р., нейтр. 1. Глиняная посуда для приготовления или обработки в печи жидких и полужидких блюд, продуктов. (с. Городище и др. села, Старооскольский район); глиняная большая посудина для выпечки хлеба (с. Хорошилово, Старооскольский район); 2. Глиняная посуда для замешивания теста (х. Петровский, с. Обуховка, Старооскольский район); 3. Специальная посуда для приготовления кваса (с. Верхнечуфичево, Старооскольский район).

В то же время исходная (украинская) семантика слова непосредственно указывает на его этимологию и генетическую связь со словом *мак*: «широкий глиняный конусообразный горшок с шероховатой внутренней поверхностью для перетирания мака и других семян макогноном. Иногда в макитре подогревают кислое молоко для приготовления творога» [3: 309].

Также заслуживает внимания тот факт, что в говорах Белгородчины широко представлен собственно лексический параллелизм – наличие синонимов-дублетов. Например, в группе растительных номинаций он представлен следующими соответствиями: *сбсенки* (Ровеньск.) – *елбвник* (Красногвард.) (‘хвойный лес’); *рбща* (Красногвард. и др.) – *жбрина* (Ивнян.) (‘небольшой лесок’); *деревина* (Ровеньск.) – *бук* (Губкин., Яковлев.) (‘дерево’ как гипероним); *огурбчина* (Новооск.) – *бакшб* (Прохоров.) (‘стебли огурца’); *былка* (Волокон.) – *квасблыння* (Грайворон., Ровеньск.) (‘стебли фасоли’); *терын* (Ровеньск.) – *терник* (Волокон.) (‘терн’); *ягода* (Новооск.) – *пазббник* (Ивнян.) (‘земляника’); *кастрыка* (Красногвард., Алексеев.) – *острыка* (Чернян.) (именно от данного слова, а не от прилагательного *острый*, по видимому, происходит фамилия *Острыкин*) – *кравивб* (Борисов.) (‘крапива’); *сбсенка* (Ровеньск.) и *ялына* (Вейдел.) (‘хвойное дерево’). В силу того, что данные ряды образований объединены семантической общностью, они могут быть квалифицированы как лексико-семантические парадигмы [1: 17-18].

В ряду слов, имеющих эквиваленты в общенародном языке, вычлняются следующие группы:

– фонетические диалектизмы: *опосля* – нареч., нейтр. ‘после’: /*Анасл’а пад’ом ў дом*//; *пóпел* – суц., -а, муж.р., нейтр. ‘пепел’: /*Скока пóпела посл’е кастра*//; *п’я́тница* – суц., -ы, жен.р., нейтр. ‘пятница’;

– словообразовательные: *молодýца* – суц., -ы, жен.р., нейтр. ‘молодая замужняя женщина’, ср. *молодка*; *обручень* – суц., -а, муж.р., нейтр. ‘обод, стягивающий стенки кадки’, ср. *обруч*; *пешкарём* – нареч., нейтр. ‘пешком’: /*П’ишкар’ом пад’ом дамо*//; *хíжска* – суц., -и, жен.р., пренебрежит. ‘ветхий домик’, ср. *хижина*; *шы́рше* – нареч., нейтр. ‘шире’: /*Дв’ер’ шы́ршы атвар’а*//;

– морфологические: *мо́рква* – суц., -ы, жен.р., нейтр. ‘морковь’: /*У жетам уаду мо́рква плаха*а//; *це́рква* – суц., -ы, жен.р., нейтр. ‘церковь’ (повсеместно по области);

– семантические диалектизмы: *обóрки* – суц., -ок, мн.ч., этнографизм. ‘лапти с высокими бортами’; *па́рочка* – суц., -и, жен.р., этнографизм. ‘женская одежда (юбка и кофта из одной материи)’; *сы́р* – суц., -а, муж.р., нейтр. ‘творог’: /*Такова сы́ра у мауаз’ин’е точ’на н’ету / са сматанай јеш*//.

Причем в ряде случаев диалектное слово может проявлять отличия сразу на нескольких уровнях, напр.: *хвортка* – ‘калитка’, ср. лит. *форточка*, – одновременно и фонетический, и словообразовательный, и семантический диалектный вариант общенародного слова.

Таким образом, данный материал может составить базу для целого ряда диалектологических, а также историко-языковых и лингвокультурологических исследований. В то же время диалектный словарь Белгородчины на сегодняшний день остается малоисследованным. Всё это обуславливает необходимость системного анализа регионального языкового материала с выявлением общих тенденций в функционировании говоров Белогорья, дифференциацией диалектизмов и регионимов, диалектизмов и непосредственных заимствований из украинского, бытующих на территории области. В целом работа по массовому сбору диалектного материала белгородских говоров, начатая еще в последнее десятилетие XX века и продолжающаяся до сегодняшнего дня, остаётся актуальной и перспективной. Так, в настоящее время стоит задача создания первого сводного словаря белгородских говоров, который обобщит накопленные материалы и сделает их доступными для широкого круга специалистов.

Литература

1. Кошарная, С.А. Диалектизмы и регионимы в системе фитонимической лексики Белогорья / С.А. Кошарная // Научные ведомости БелГУ. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – №14 (235) – Выпуск 30. – 2016. – С. 12-20.

2. Красильщик, Е.А. Названия домашних животных с точки зрения их физического и физиологического состояния: На материале говоров Костромской и Ярославской областей: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.А. Красильщик. – Кострома, 1999. – 30 с.

3. Ляховская, Л.П. Православная обрядовая кухня: праздники, традиции, обычаи, обряды / Л.П. Ляховская. – СПб.: Кристалл, 2001. – 446 с.